

рабию; что же касается крымских татар, то их вынужденное «силой вещей» покорение Россией чревато, по мнению Пушкина, неразрешимыми коллизиями и кровавыми конфликтами.

Кюхельбекер, продолжая ту же мысль, предупреждал о бессмысленной трате материальных и демографических ресурсов империи на любое «завоевание» (как «мирное», так и военное) среднеазиатских княжеств. Время обнаружило, что на этот счет оба поэта-политика оказались ясновидцами.

В торговом капитале Кюхельбекер пророчески видел не только препятствие для диалога и синтеза полиэтничных культур, но и агрессивное начало, разрушающее отечественную самобытность. Основное средство наживы «торгашей», кабаки, по его наблюдениям, уже обратило потомков русских землепроходцев, в частности в «Даурской Украине», не в лучшую часть сибирского общества.

В сатирическом свете он рассматривал и стремление определенной части российской интеллектуальной элиты войти в европейскую семью народов или, во всяком случае, обратиться за опытом к европейцам. Призвав на помощь «русский» языческий (т. е. самобытный) дух в образе Кикиморы, поэт с его помощью срывал фарисейскую маску с «просвещенного», «ученого», мира англичан. Очевидно, что Кюхельбекер, как и Пушкин, полагал, что у России свой особый путь развития, не сводимый ни к азиатскому, ни к европейскому. Первоочередную задачу поэты-политики видели в том, чтобы обратить подданных империи – посредством целенаправленной культурной работы и правительственной политики – из собрания «голов и рук, и ног» в действительный субъект истории – народ, обладающий единым самосознанием.

И.В. Нам
ПОЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
И СИБИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА (1917–1918 гг.)

Падение самодержавия в России, провозглашение основ демократической государственности и отмена вероисповедных и национальных ограничений возродили вековую мечту поляков о восстановлении национальной независимости и были восприняты польским населением с большой радостью и воодушевлением. На многочисленных митингах и собраниях, которые прокатились по всей стране, единодушно принимались резолюции доверия и поддержки новой власти, отправлялись в адрес председателя исполнительного комитета Государственной думы А.В. Родзянко, председателя Совета министров князя Г.Н. Львова и Совета рабочих и солдатских депутатов. Красной нитью через их решения проходил лозунг восстановления объединенной и независимой Польши. Так, 5 марта в Томске состоялось собрание поляков, местных жителей, политических ссыльных, беженцев и солдат томского гарнизона, на котором были приняты резолюция «солидарности с действиями нового правительства», а также тексты приветственных телеграмм. Обязуясь «всеми своими силами содействовать упрочению нового демократического строя», поляки выражали надежду, что свободная Россия облегчит польскому народу достижение объединения и независимости¹. Аналогичные ожидания присутствовали и в резолюции поляков Иркутска, вынесенной 11 марта. Иркутские поляки также заявили о намерении «принимать самое деятельное участие» в «го-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1778 (3). Оп. 1. Д. 94. Л. 100. (Далее – ГАРФ); Сибирская жизнь. 1917. 5 марта.

сударственно-политической жизни России», подчеркивая одновременно свой «политический постулат: стремление к независимой Польше»¹.

Борьба поляков за восстановление независимости и объединение Польши нашла понимание новой власти. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в одном из своих первых актов – обращении «Привет польскому народу», единогласно принятом 14 (27) марта 1917 г., признал право Польши «быть совершенно независимой в государственно-международном отношении»². Через три дня последовало воззвание Временного правительства «К полякам!», в котором заявлялось, что оно считает «создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом, надежным залогом прочного мира в будущей обновленной Европе». Народу польскому предоставлялось право самому определить государственный строй через свое Учредительное собрание. Российскому Учредительному собранию предстояло лишь «скрепить окончательно образование свободной и воссоединенной Польши»³.

Эти акты новой российской власти еще более укрепили надежды поляков на осуществление своих надежд. Последовала новая волна приветствий из Сибири: от имени редакции газеты «Голос Сибири», издававшейся в Новониколаевске⁴, общего собрания членов Польского республиканско-демократического общества в Забайкалье⁵ и др. Но теперь они отражали разные представления о путях достижения независимости Польши. Обсуждение текста резолюций на польском митинге в Иркутске, состоявшемся 30 марта 1917 г., привело к расколу в рядах социалистов. Представители ППС-«фракции», заявляя, что они идут на митинг не как социалисты, а как поляки, связывали достижение независимости Польши с созданием сильной польской армии и доказывали необходимость

¹ Сибирь. 1917. 16 марта

² Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Л., Т. 1. 1991. С. 324; *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. М., 1963. Т. 1. С. 26.

³ *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. Т. 1. С. 35–36.

⁴ ГАРФ. Ф. 1778 (3). Оп. 1. Д. 99. Л. 105–106.

⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 167. Л. 46 об. (Далее – ЦГА СПб.).

изъятия солдат-поляков из рядов русской армии. Левая часть («объединенные социалисты») связывала гарантию независимости Польши с международной солидарностью пролетариата. Большинство получила резолюция «фраков», которых поддержали представители «демократического коло». От имени митинга были отправлены приветственные телеграммы в адрес Львова, Керенского и Петроградского Совета. Меньшая часть (120 человек), заявив об образовании Социал-демократического польского союза, вынесла свою резолюцию и отправила телеграммы Петросовету, а также «товарищам-полякам» на оккупированных Германией и Австрией польских землях¹.

Польский митинг в Красноярске (300 человек), состоявшийся 4 апреля 1917 г., напротив, закончился полной победой большевиков. Большинством в 185 голосов против 89 здесь была принята предложенная польской секцией СДКПиЛ резолюция, в которой вместо приветствия Временному правительству разоблачалась «великодержавная» сущность его воззвания к полякам: «Имея в виду, 1) что большинство членов Временного правительства никогда не являлось сторонниками не только независимости Польши, но и широкой её автономии, 2) что воззвание к полякам провозглашено было правительством исключительно под давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 3) что воззвание это заключало в себе слишком категорическое предрешение судьбы будущей независимой Польши и 4) что истинная независимость будущей Польской демократической республики может явиться единственно как результат будущей победы демократии всех воюющих народов... поляки-демократы г. Красноярска... заявляют, что независимость каждого народа составляет его неотъемлемое и естественное право, и шлют братский привет революционной демократии Петрограда, которая первая возвестила польскому народу его полную свободу и независимость»².

После революции социально-политическая и культурная жизнь Полонии в Сибири, как и во всей России, чрезвычайно активизировалась. Мощный всплеск национальных чувств и ожиданий, вы-

¹ ГАРФ. Ф. 1778 (3). Оп. 1. Д. 103. Л. 108; Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 6 апр; Иркутская жизнь. 1917. 4 мая.

² Известия Совета рабочих и крестьянских депутатов (г. Красноярск). 1917. 7 апр.

званных надеждой на осуществление вековой польской мечты, сопровождался процессом самоорганизации и создания органов национального самоуправления. Повсеместно воссоздаются и возникают новые организации и общества различных направлений (культурно-просветительные, военные, политические и т.п.), развернувшие бурную деятельность. В Омске в декабре 1916 – январе 1917 г. образовалось общество «Огниско»¹. Активизирует свою деятельность польско-литовское общество «Огниво» в Иркутске. Общество возникло еще в 1906 г. как польская культурно-просветительная организация и ставило своей целью содействие «улучшению материальных, нравственных и духовных условий жизни своих членов»². В 1911 г. к нему присоединилось литовское общество «Рута», которому губернские власти не разрешили функционировать самостоятельно³. Объединенные польско-литовские организации в Сибири создавались и в 1917 г. Так, в апреле был открыт польско-литовский клуб в Тобольске⁴. Еще раньше, в марте, в Новониколаевске возник Польско-литовский народный союз – организация, которая поставила задачу «отстаивать независимость Польши и Литвы на республиканско-демократических началах». Но уже в июне литовцы выделились из него и образовали Демократический литовский союз, мотивируя свое решение тем, что люди, создавшие польско-литовскую организацию, проповедовали присоединение Литвы к Польше⁵. В апреле образовали свою организацию поляки в Барнауле, во Владивостоке образовалось общество «Дом польский», в мае в Томске был создан Польский народный дом, в Канске – «Огниво», в июне – общество под названием «Огниско польское» в Новониколаевске⁶.

¹ Омский вестник. 1917. 5 янв.

² Государственный архив Иркутской области. Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 3 об., 8, 44. (Далее – ГАИО).

³ См.: Масырж В. Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.). Иркутск, 1995. С. 18; Новоселова М.Р. Польско-литовское общество «Огниво» (1906–1921 гг.) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 309.

⁴ Сибирский листок. 1917. 13 апр.

⁵ См.: Голос Сибири. 1917. 18 марта, 17 июня, 15 нояб.

⁶ См. об этом: Государственный архив Красноярского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2937. Л. 1. (Далее – ГАКК); Жизнь Алтая. 1917. 22 апр.; Новая жизнь. 1917. 27 мая; Голос Сибири. 1917. 4 июля, 12 сент.; Чернолуц-

Одновременно активизируется политическая жизнь, создаются местные организации польских политических партий. Их особенностью было то, что размежевание происходило преимущественно по двум лагерям: близкому к левым кадетам либерально-демократическому, к которому тяготели группы ППС-«фракции» и некоторые деятели ППС-левицы, и социал-демократическому (большевистскому), к которому примыкали члены СДКПиЛ и часть левиццев. К либерально-демократическому направлению тяготели, в частности, Польский демократический клуб в Томске¹, Польско-литовский народный союз в Новониколаевске². В начале 1918 г. в Новониколаевске образовалась новая организация либерально-демократической ориентации – исполнительный комитет польских общественных организаций и политических партий³. Аналогичная организация под названием Польский исполнительный комитет общественных организаций образовалась в октябре 1917 г. в Иркутске⁴. Польские либералы в Сибири, таким образом, не стремились к созданию собственных партийных структур, отдавая приоритет объединению под своим влиянием всех местных поляков.

«Фраки» образовывали самостоятельные организации, как правило, там, где уже действовали другие польские социалистические организации, где уже были исключены возможности создания объединенных польских организаций⁵. Так, в Иркутске «фраки» оформились в самостоятельную организацию после того, как им не удалось объединить под своим началом группы, вошедшие в Польский социал-демократический союз в середине апреля 1917 г.⁶ 9 июля была создана группа ППС-«фракции» в Омске, 15 августа оформились в самостоятельную секцию «фраки» в Красноярске⁷.

кая Е.Н. Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX веке. Владивосток, 2000. С. 104.

¹ Сибирская жизнь. 1917. 6, 13, 14 апр.

² Образовался в середине марта 1917 г. См.: Голос Сибири. 1917. 18 марта.

³ Дело революции. 1918.

⁴ Иркутская жизнь. 1917. 15 окт.

⁵ См.: Манусевич А.Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1965. С. 131.

⁶ Сибирь. Иркутск. 1917. 18 апр.

⁷ См.: Омский вестник. 1917. 13 (26) июля; Сибирская жизнь. 1917. 22 июля; Наш голос 1917. 18 авг.

Хотя «фракам» в Сибири не удалось создать под своим руководством польские социалистические объединения, как это было, например, в Харькове и Воронеже, объединительные тенденции среди польских социалистов в регионе все же имели место. Этому способствовало длительное существование здесь объединенных организаций РСДРП. Объединенная организация польских социалистов – Польский социалистический коалиционный комитет – возникла 25 марта 1917 г. в Томске. Его возглавлял член ППС-левицы В. Квятковский. Томский комитет поддерживал связь с Петроградским комитетом ППС-левицы¹. Вслед за Томском в конце апреля 1917 г. образовался Польский социалистический коалиционный комитет в Новониколаевске². В обоих комитетах сильными позициями обладали «левицевцы», которые были близки к меньшевикам-интернационалистам.

В Иркутске в конце марта 1917 г. образовался Польский социал-демократический союз, в который вошли члены СДКПиЛ, ППС-левицы и некоторых других польских социалистических групп. Создание объединенной организации мотивировалось тем, что «разница во взглядах... в прошлом касалась вопросов тактики и отдельных политических вопросов», которые в изменившихся политических условиях потеряли свою остроту³. Польский социал-демократический союз в Иркутске входил в объединенную организацию РСДРП⁴, а внутри нее примыкал к меньшевикам⁵.

Между этими политическими группировками и шла основная борьба за влияние на различные группы польского населения Сибири в условиях революции и гражданской войны. Наибольшее значение придавалось работе среди временных контингентов польского населения (беженцев, военнослужащих, военнопленных), которым предстояло вернуться на родину и строить независимое польское государство.

¹ Сибирская жизнь. 1917. 28 марта.

² Новая жизнь. 1917. 22 апр.; Сибирская жизнь. 1917. 22 апр.; Голос Сибири. 1917. 30 апр.

³ Иркутская жизнь. 1917. 17 апр.

⁴ См.: Вельман В. Февральская революция в Сибири // Пролетарская революция. 1925. № 3. С. 197.

⁵ В противовес этому блоку большевик В. Матушевский, член Иркутского комитета РСДРП, пытался создать группу СДКПиЛ (интернационалистов), но в связи с его отъездом в Красноярск этого не осуществилось.

Организуя свои национальные институты, поляки вместе с тем участвовали и в общественно-политической жизни Сибири – в формировании после революции демократических органов власти и местного самоуправления: комитетов общественной безопасности и Советов. Коалиционный характер тех и других давал возможность представительства самых разных слоев населения, общественных структур и политических партий, в том числе организованных по национальному признаку. В Омский коалиционный комитет общественных организаций входили представители трех польских организаций – польского общества, общества «Огниско», польского комитета беженцев¹, в исполнительный комитет общественных организаций в Иркутске входил представитель польско-литовского общества «Огниво»². Если в КОБы посылали своих представителей общенациональные организации, то в Советы – социалистические партии. Так, в Иркутском Совете рабочих депутатов были представлены Польский социал-демократический союз и группа ППС-«фракции»³. Предвыборное собрание поляков Томска, состоявшееся 14 апреля, постановило голосовать на выборах в городское уездное и губернское народные собрания совместно с блоком социалистических партий, лозунги которых ближе всего выражают настроение народных масс, а их победа обеспечит осуществление «полной независимости объединенной Польши». В. Квятковский, баллотировавшийся по списку коалиционного комитета социалистических партий, был избран в Томское городское народное собрание⁴. В Новониколаевске поляки голосовали за списки РСДРП и эсеров⁵.

В ходе многочисленных избирательных кампаний 1917 г. поляки в Сибири, как правило, не выдвигали национальных списков. Единственное исключение представляла попытка поляков в Новониколаевске выступить со своим списком на выборах в городскую думу в октябре 1917 г., но он не был утвержден комиссией по выборам в думу. Местная группа ППС выступила против выдвижения

¹ Государственный архив Омской области. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 51. Л. 7, 9–11, 16–20, Д. 10. Л. 1, 1 об. (Далее – ГАОО).

² Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 17 марта.

³ Иркутская жизнь. 1917. 17 апр.; Сибирь. 1917. 18 апр.

⁴ Государственный архив Томской области. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 7. Л. 23; Новая жизнь. 1917. 8, 14, 16 апр. (Далее – ГАТО).

⁵ См.: Голос Сибири. 1917. 15, 29 апр.

национального списка и призвала голосовать за список РСДРП (объединённой)¹. В других местах во время муниципальной кампании, проходившей в Сибири летом – осенью 1917 г., польские социалисты и социал-демократы призывали голосовать за списки тех общероссийских партий, к которым они примыкали. Так, группа ППС-«фракции» в Иркутске постановила поддерживать список эсеров. В Омске предвыборное собрание поляков, проводившееся группой ППС-«фракции» и секцией СДКПиЛ, постановило голосовать за списки эсеров и РСДРП. По списку большевиков в Томске баллотировались три польских социалиста-интернационалиста².

В условиях революции среди демократической общественности Сибири широкую популярность приобрели идеи сибирского областничества, представлявшего одну из разновидностей федералистского движения. С областничеством лидеры национальных движений связывали осуществление планов национального самоуправления. Немаловажную роль в этом сыграла выдвинутая ими под влиянием эсеров, активно включившихся в областническое движение, национальная программа: широкая автономия Сибири в федеративной демократической России и обеспечение национальных прав через предоставление территориальной автономии народам, проживающим компактно, и экстерриториальной, персональной – национальным меньшинствам и «нациям без территории», т.е. дисперсно расселенным этносам³. Выдвигая требование федеративного устройства России, областники не исключали в будущем федерализацию Сибири на основе и областного, и национального принципов: «в процессе исторического развития Сибирь, в качестве автономной единицы, имеет право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим определенную территорию, если последние этого потребуют, т.е. в союз областей и национальностей»⁴.

¹ ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 3. Л. 49, 68; Голос Сибири. 1917. 1 окт.

² См. об этом: Иркутская жизнь. 1917. 15 июля; Сибирь. 1917. 15 июля; Известия Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 июля; Голос свободы. 1917. 21 сент.

³ Подробнее см.: *Нам И.В.* Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2004. № 281.

⁴ *Первый сибирский областной съезд 8–17 октября 1917 г. в Томске.* Томск, 1917. С. 2.

Первый сибирский областной съезд, проходивший 8–17 октября 1917 г. в Томске, стал триумфом эсеров-областнических замыслов. Ко дню открытия съезда в Томск съехались делегаты отовсюду: от Тургайских степей до Тихого океана. Всего прибыло 182 делегата, имевших 228 мандатов от 17 типов общественных, политических, национальных организаций¹. Внутренне на съезде были представлены коренное население и национальные меньшинства: 67 делегатов (37 %). Часть из них представляла органы самоуправления, Советы, партии и другие организации, не носившие национального характера, другая, большая, часть – национальные организации казахов, мусульман, алтайцев, телеутов, якутов, украинцев, немцев, евреев. Всего было представлено около 30 национальных организаций². На съезде делегаты-националы выделились в национальную группу и выступали от ее имени как от отдельной фракции³.

Принимавшие участие в работе съезда поляки относились к первой группе. Людвиг Андреевич Гордзялковский представлял Алтайский губернский комитет Партии народной свободы. Леонард Семенович Уменовский, указавший на свое сочувствие эсерам, имел несколько мандатов: Каркаралинского комитета по введению земства, Каркаралинского Совета рабочих и солдатских депутатов и Каркаралинского уездного Совета крестьянских депутатов. Два других депутата, прапорщик Михаил Антонович Валькевич и врач Семипалатинской переселенческой больницы Бронислав Ипполитович Кржимусский, оба беспартийные, представляли соответственно Иркутское губернское заводское совещание и Семипалатинский киргизский организационный комитет. Б.И. Кржимусский и М.А. Валькевич получили образование в Московском университете, первый на медицинском, второй – на юридическом факультете, Л.А. Гордзялковский имел среднее образование (гимназия и военное училище). Все они не были коренными сибиряками. Уроженец Могилевской губернии, 57-летний Л.А. Гордзялковский прожил в Сибири 29 лет, уроженец Варшавской губернии 53-летний Б.И. Кржимусский – 20 лет. Более молодые, 38-летний М.А. Валь-

¹ См.: *В.К.* Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 105; *Шиловский М.В.* Сибирская областная дума (август – ноябрь 1918 г.) // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 23.

² ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об. – 18, 2–14.

³ *В.К.* Областное обозрение. С. 108.

кевич, уроженец Минской губернии, 31-летний Л.С. Уменовский, уроженец Витебской губернии, прожили в Сибири относительно недолго – 4 года¹. Польские делегаты активной роли в работе съезда не играли. Сохранившиеся материалы съезда зафиксировали лишь выступление на открытии съезда Л.А. Гордзялковского, который отметил, что Сибирь принимала радушно ссыльных поляков, за что поляки с глубоким признанием относятся к сибирякам². А на заседании 14 октября по его предложению депутаты почтили вставанием память борца за свободу Польши Т. Костюшко³.

На заключительном заседании 17 октября делегаты приняли решение о скорейшем созыве учредительного сибирского областного съезда, который должен рассмотреть общие положения (конституцию) автономного устройства Сибири. Для подготовки учредительного форума был избран исполнительный комитет во главе с Г.Н. Потаниным.

Но Октябрьский переворот в Петрограде круто изменил ход развития событий в стране и привел к дальнейшему размежеванию в рядах поляков. Группы СДКПиЛ и часть левицевцев приветствовали установление советской власти. Остальные политические группировки отнеслись к захвату власти большевиками резко отрицательно и заняли позицию «нейтралитета» в отношении происходящих в России событий, утверждая, что «во имя интересов будущей Польши им следует беречь свои силы, занять позицию неучастия в событиях в России, быть нейтральными к тому, что в ней происходит»⁴. Комитет польских общественных организаций в Иркутске в своей резолюции от 31 октября 1917 г., например, потребовал, чтобы «инициаторы гражданской войны и сторонники государственного переворота преклонились перед благом России и уступили воле большинства»⁵. Пэпэсовец К. Янушкевич со страниц «Голоса Сибири» утверждал, что большевики взяли непосильную

¹ ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–5, 9 об., 10–11, 20, 22; Д. 11. Л. 48, 73, 117–118, 168, 295–297.

² ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 3. Л. 58; Сибирская жизнь. 1917. 11 окт.

³ ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

⁴ Манусевич А.Я. Польские социал-демократические и другие революционные группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти (октябрь 1917 – январь 1918 гг.) // Из истории польского рабочего движения. М., 1962. С. 120.

⁵ Иркутская жизнь. 1917. 12 нояб.

для себя задачу править государством, обвинял их в анархии, в развязывании гражданской войны, и заявлял, что только Учредительное собрание спасёт Россию от кризиса и закрепит завоевания революции¹.

27 октября 1917 г. в Петрограде состоялось совещание представителей польских организаций, постановившее призвать поляков к соблюдению нейтралитета и неучастию в происходившей в России политической борьбе. Участники совещания приняли решение считать себя Польским советом безопасности, который объявил своей задачей «защиту жизни и имущества граждан Польши, обеспечение их политических и имущественных интересов». Польский совет безопасности поручил А. Ледницкому вступить в переговоры с иностранными послами и обязал исполнительный комитет немедленно организовать «польскую самооборону» в Петрограде².

Вслед за Петроградом советы безопасности стали возникать и на местах, в том числе и в Сибири. Такой совет в Омске был образован 19 декабря 1917 г. на совместном заседании представителей всех польских организаций: Союза военных поляков, Союза независимой Польши, ППС, «Огниско», «Кола велькополян», Сибирского района ЦОК, Общества взаимопомощи лиц интеллигентных профессий, общества благотворительности. Ему поручалось «всемерно стремиться к наиболее целесообразной защите своих сограждан от возможных эксцессов и репрессий... обысков, ревизий и реквизиций... силами местного отделения польских стрелков...». Было заявлено, что «поляки, проживающие в Омске... считают себя гражданами независимой Польши и, как таковые, будут соблюдать строжайший нейтралитет по отношению ко всяким политическим событиям в России...»³.

В Иркутске Совет безопасности был создан по инициативе исполкома польских общественных организаций. 16 января 1918 г. здесь было созвано собрание поляков, на котором присутствовало около 400 человек. Были избраны временный совет безопасности и «особая комиссия по выборам», которая обязывалась в недельный срок произвести выборы в постоянный совет безопасности. Собрание постановило также образовать польскую дружину, которой вменялась в обязанность «оборона жизни и имущества» поляков

¹ Голос Сибири. 1917. 17 дек. (добавление к номеру); 25 дек.

² Манусевич А.Я. Польские социал-демократические... С. 120–121.

³ Омский вестник. 1917. 25 дек.

«на случай беспорядков и вооружённых грабежей». Особо подчеркивалось, что польская дружина должна сохранять «полнейший нейтралитет в партийной борьбе и не может быть применена в целях военных и политических»¹. На выборах, состоявшихся 28 января 1918 г., конкурировало 2 списка: исполкома польских организаций и социалистического блока. По первому списку в совет безопасности прошло 22 человека, по второму – 13².

При формировании советов безопасности польское население рассматривалось, как имеющее особое польское гражданство. Так, в Иркутске удостоверения «польского гражданства» сначала выдавал исполком польских организаций³, а затем – Польский совет безопасности. Исполком польских организаций и политических партий в Новониколаевске также взял на себя «защиту интересов» поляков, выдавая им удостоверения о принадлежности к гражданам «польского нейтрального государства»⁴.

Позицию «нейтралитета» и «невмешательства» в происходящее в России заняли и союзы военных поляков. Показательны в этом отношении события, развернувшиеся в Омске. Здесь 10 декабря 1917 г. члены союза военных поляков и офицеры польского отряда созвали собрание военнослужащих поляков и приняли резолюцию, в которой потребовали от гарнизонного комитета признания их свободными гражданами и воинами независимой Польши, невмешательства в их внутреннюю жизнь и оставления у них оружия. Подчеркивалось, что военные поляки гарнизона подчиняются только начполю и, в случае неудовлетворения выдвинутых ими требований, выступят всеми имеющимися у них средствами. В ответ Омский военно-окружной комитет и секция СДКПиЛ прибегли к помощи поляков-военнопленных. 26 декабря они созвали собрание военнопленных поляков и провели резолюцию протеста против организации в Омске польских войск, подчеркнув, что поляки-военнопленные не будут орудием в руках польской буржуазии, а пойдут рука об руку с русским революционным пролетариатом. На следующий день офицеры польского легиона созвали новое собрание поляков-военнослужащих. Присутствовавшие на нем представители вокома и местной группы СДКПиЛ призывали польских

¹ Иркутская жизнь. 1918. 23, 31 янв.

² Там же. 31 янв.

³ Там же. 1917. 29 дек.

⁴ Дело революции. 1918. 17 февр.

солдат не поддерживать позицию нейтралитета и невмешательства, объединиться с русским пролетариатом в общей борьбе с буржуазией и присоединиться к приказам о демократизации армии. Выступавшие со стороны легионеров, напротив, говорили о необходимости оставаться «нейтральными» в отношении к русским событиям. Однако большинством в 50 голосов при 40 против и 7 воздержавшихся была принята резолюция, предложенная СДКПиЛ, в которой указывалось, что собрание присоединяется к революционной борьбе русского пролетариата и признает обязательным введение в польском легионе в Омске демократических реформ, существующих в русской революционной армии¹.

Заявления о «нейтралитете» по отношению к происходящим в России событиям были вызваны тем, что на фоне продолжавшейся мировой войны вопрос о судьбе Польши приобретал все большее международное значение. В августе 1917 г. в Лозанне был создан альтернативный орган власти² – Польский национальный комитет (ПНК), переехавший вскоре в Париж. ПНК был признан правительствами Англии, Франции, Италии и США как правительство будущего Польского государства. После свержения царизма, а затем и Временного правительства ПНК начал подготовку к воссозданию независимого польского государства в границах бывшей Речи Посполитой. Эти планы поддерживались Францией. На основании декрета президента Франции от 4 июня 1917 г. началось формирование польской армии, которая должна была внести свой вклад в победу над Германией и в воссоздание независимой Польши. 5 января 1918 г. английский премьер Ллойд-Джордж заявил, что независимая Польша является необходимым условием стабилизации в Восточной Европе. В опубликованных спустя три дня «14 пунктах» президента США В. Вильсона указывалось, что должно быть «создано независимое Польское государство, которое должно будет включать территории, заселенные неоспоримо польским населением». Тот же смысл содержала совместная декларация глав правительств Англии, Франции и Италии от 2 июня 1918 г. Французский премьер Клемансо 5 сентября 1918 г. письменно заверил ПНК в

¹ См. об этом: Омский вестник. 1917. 13 (26) дек.; Революционная мысль. 1918. 3 янв., 5(18) янв.

² На оккупированных польских землях формальная власть принадлежала Регентскому совету (Раде), а реальная – германскому и австрийскому генерал-губернаторам.

Париже, что Франция ничего не пожалеет для того, чтобы возродить Польшу «в рамках ее исторических пределов». Что касается России, то Совет народных комиссаров в своем декрете от 29 августа 1918 г. заявил, что все заключенные царским правительством договоры, касающиеся разделов Польши, «ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, отменяются настоящим бесповоротно». Тем самым закреплялась международно-правовая основа воссоздания независимой Польши¹.

Одновременно сибирская Полония оказалась в эпицентре развернувшейся на востоке России гражданской войны. Со второй половины ноября 1917 г. антибольшевистские группировки в Сибири переходят в наступление, используя областнические лозунги. Избранный октябрьским областным съездом исполком созывает «ввиду исключительных обстоятельств момента» 6–15 декабря 1917 г. в Томске Чрезвычайный Сибирский областной съезд². В его работе, как и в октябрьском съезде, приняли участие 4 поляка. Это были уже другие люди, но они также не представляли национальные польские организации. Присяжный поверенный Станислав Людвигович Вилькошевский (56 лет, народный социалист) представлял Тобольский губернский земельный комитет; фельдшер Михаил Фомич Зрачинский (48 лет, член Трудовой народно-социалистической партии) представлял Тобольский губернский комитет по введению земства; частный поверенный, помощник присяжного поверенного Доминик Флорентинович Оржешко (44 года, меньшевик) был делегирован Владивостокской городской думой; машинист Иван Яковлевич Петрушко (42 г., социал-демократ.) – главным комитетом Омской железной дороги. Коренными сибиряками могли считать себя Д.Ф. Оржешко, родившийся в Томске, и М.Ф. Зрачинский, уроженец Тобольской губернии. 56-летний С.В. Вилькошевский, родившийся в Варшаве, прожил в Сибири 30 лет, уроженец Радомской губернии И.Я. Петрушко – 15 лет. С.Л. Вилькошевский и Д.Ф. Оржешко имели университетское образование (Оржешко закончил юридический факультет Томского

¹ См.: *Краткая история Польши*. М., 1993. С. 239, 241–242.

² На съезде присутствовало 160 делегатов с решающим и 22 с совещательным голосом, из них украинцев – 15, поляков – 4, белорусов – 4, евреев – 4, немцев – 2, осетин – 1 и мусульман – 12.

университета). М.Ф. Зрачинский закончил центральную фельдшерскую школу в Омске, в анкете И.Я. Петрушко значится сельское училище¹.

Съезд постановил не признавать советскую власть и не исполнять ее декретов. Единственной властью объявлялось Учредительное собрание. Для управления Сибирью решено было создать «общесибирскую, социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей» власть в лице Сибирского областного совета, который должен был созвать представительный орган – Сибирскую областную думу. Причем национальная фракция заявила, что она понимает формулу «от народных социалистов до большевиков» не как обязательную в смысле соглашения с большевиками, а только как допустимую, если они встанут на точку зрения съезда во всех вопросах. Позиция национальной фракции нашла понимание большинства делегатов. Им была принята формула перехода, в которой говорилось, что до Учредительного собрания Сибири законодательный орган должен состоять из представителей демократии без участия цензовых элементов, а в органы исполнительной власти «могут войти все социалистические партии... включительно с представительством национальностей, если партии принимают... безусловную борьбу за избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием Всероссийское Учредительное собрание и за областное народоправство Сибири...»².

Оставляя за Всероссийским Учредительным собранием право определить «порядок управления Сибирью, как автономной областью Российской федеративной республики», Чрезвычайный съезд выработал Положение о временных органах управления Сибирью, согласно которому высшей властью в регионе объявлялись временная Сибирская областная дума и избираемый ею Сибирский областной совет, действующие «впредь до решения вопроса о форме внутреннего управления Сибирским Учредительным собранием»³. Одновременно в декларации по текущему моменту говорилось о необходимости созвать его «в кратчайший срок, не позднее марта».

¹ ГАТО. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 1. Л. 21, 24, 95, 100.

² Бюллетень временного Сибирского областного совета... 1918. № 1. С. 3.

³ Там же.

Съезд закончил работу 15 декабря избранием временного Сибирского областного совета во главе с Г.Н. Потаниным¹. В его состав вошли эсеры П.Е. Дербер, М.Б. Шатилов, А.Е. Новоселов, Е.В. Захаров, член трудовой н.-с. партии Г.Б. Патушинский и два представителя от национальностей Сибири – казах Е.В. Ермаков и, по настоянию делегатов-украинцев, левый эсер Д.Г. Сулим (с совещательным голосом)². При Сибоблсовете были созданы финансово-экономический, военный и национальный советы. В национальный совет были избраны алтаец Г.М. Токмашев и украинец В.А. Строкань³, позднее в него были введены представители немцев (Фрезе), бурят (И. Трубачев), якутов (Г.Г. Колесов) и хакасов (Окунев)⁴.

Считая своей главной задачей созыв Сибирской областной думы, временный Сибоблсовет разослал учреждениям, организациям и газетам всей страны в громадном количестве экземпляров постановления съезда и телеграммы с приглашением посылать депутатов в Думу. Такие телеграммы получили и национальные организации, в том числе польские⁵. Однако к 8 января, на которое было назначено открытие Думы, необходимого кворума в 90 депутатов не набралось. Лишь 25 января было зарегистрировано 93 депутата, из них 23 представляли национальные организации⁶. Приехавшие депутаты проводили частные совещания, организовывались во фракции. Национальная фракция оформилась одной из первых. Г.К. Гинс относит ее вместе с эсеровской к наиболее сильным группировкам в Думе, а ее политические настроения называет более умеренными, чем у эсеров⁷.

По Положению о временных органах управления Сибирью, которое было принято Чрезвычайным съездом 15 декабря 1917 г.,

¹ 1 января 1918 г. Г.Н. Потанин заявил о своей отставке из-за несогласия с политикой «заигрывания с большевиками, проводимой левым большинством Сибоблсовета. Председателем стал эсер П.Я. Дербер.

² Сибирская жизнь. 1917. 20 дек.

³ ГАТО. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 1. Л. 118; Известия временного Сибирского областного совета. 1918. №1. С. 3.

⁴ Якушев И.А. Очерки областного движения в Сибири // Вольная Сибирь. Прага. 1928. Сб. 3. С. 18.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Шиловский М.В. Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу (январь – ноябрь 1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 6.

⁷ Гинс Г.К. Сибирь, союзник и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1. С. 74–75.

предусматривалось представительство в Сибирской думе в числе «революционных и демократических организаций» как автохтонного населения Сибири¹, так и пришлых национальных меньшинств. Общесибирские национально-политические организации национальных меньшинств могли послать по 2 депутата, каждое районное объединение – по 1, а всего от каждого национального меньшинства в Думе могло быть не более 5 депутатов². Эта многосложная формулировка вызвала затруднения среди тех национальных меньшинств (в их числе были и поляки), которые еще не имели своих районных и общесибирских институтов. 2 января Сибирским областным советом была получена телеграмма из Иркутска, подписанная председателем комитета польских общественных организаций И.И. Собещанским. Он предлагал «ввиду отсутствия» общесибирской польской организации, во-первых, распределить пять предназначенных для поляков мандатов Омску, Томску, Красноярску, Иркутску и Владивостоку (или, из-за удаленности Владивостока, Чите); во-вторых, из-за невозможности произвести выборы всеобщим голосованием членов польских колоний предоставить выбор депутатов в Думу уже существовавшим организациям, объединявшим все польские общественные организации этих городов. Кроме того, он спрашивал, сохраняет ли силу приглашение принять участие в Сибирской думе польским депутатам, несмотря на то, что многие поляки решили принять подданство Польского государства³.

Телеграмма Собещанского объясняет, почему в составе национальной фракции Сибирской областной думы первого созыва было только три поляка: Сигизмунд Сигизмундович Романовский, Юсеф Станиславович Бургардт и Ян Станиславович Залэнский-Каммер⁴.

¹ От каждого казахского (в терминах тех лет – киргизского) областного Совета депутатов – по 4 депутата, от центрального киргизского комитета – 3 депутата, от Иркутского и Забайкальского национальных комитетов – по 2 депутата, от Якутского национального комитета – 4, от Алтайской горной думы – 2, от минусинских туземных племен – 2, от татар – 5, от каждого из остальных организованных туземных племен – 1.

² Бюллетень Временного Сибирского областного совета. 1918. № 1. С. 3–5.

³ Там же. № 2. С. 3–4.

⁴ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 732. Л. 1–2. (Далее – ГАНО).

Ю.С. Бургардт представлял Иркутскую организацию ППС, Я.С. Заленский – поляков Гродекова. С.С. Романовский был делегирован в Думу польской колонией в Томске, где 10 января с этой целью было созвано собрание представителей существующих здесь польских организаций. Но левая часть польского социалистического коалиционного комитета, в котором к этому времени произошел давно назревший раскол, выступила против посылки польского представителя в Думу. 31 января газета «Знамя революции» опубликовала от имени комитета «письмо в редакцию» под названием «Сибирская областная дума и польские пань». В нем говорилось, что С. Романовский, именующий себя эсером, делегирован в Думу «польскими мелкобуржуями» в лице Векера, Калиновского, Бранделя и другими их «прислужниками» для поддержки «контрреволюционных замыслов правых господ». Отвечая на это «письмо», С. Романовский заметил, что он послан в Думу «не буржуазией, а польской колонией», а польского коалиционного социалистического комитета, от имени которого написано письмо, как такового, не существует, так как многие давно отстранились от участия в его работе «ввиду его некоалиционности и неопределенности социалистических взглядов и тактики его руководителей». В их числе Романовский назвал и себя¹.

С.С. Романовский вошел во временное бюро национальной фракции вместе с немцем Фрезе и бурятом Трубочеевым². Когда депутаты Думы начали съезжаться в Томск, национальный совет Сибирского областного совета стал заседать вместе с национальной фракцией³. Результатом их совместной работы стали обращения к народам Сибири и целый «ворох» законопроектов, подготовленных для внесения в Думу⁴. Однако в ночь на 26 января 1918 г. с санкции Томского Совета рабочих и солдатских депутатов Дума была распущена, а часть ее депутатов арестована. Избежавшие ареста депутаты приняли решение не подчиняться насилию и продолжить работу. Национальная фракция выступила в печати с протестом: «Мы заявляем, – говорилось в обращении, – что ни штыки, ни угрозы, ни насилия и ни высылки не остановят нас на пути укрепления вели-

¹ Знамя революции. 1918. 31 янв.; Путь народа. 1918. 17 (4) фев.

² Известия временного Сибирского областного совета. 1918. № 2. С. 3.

³ См.: Якушев И.А. Очерки областного движения в Сибири // Вольная Сибирь. Прага. 1928. Сб. 3. С. 18.

⁴ В их числе были Положение о Министерстве туземных дел и Законопроект об учреждении Министерства экстерриториальных народностей.

ких плодов революции – самоопределения народов Сибири – и поэтому мы продолжаем нашу работу»¹.

Разгон Сибирской областной думы и арест ее депутатов вызвали протесты общественности и населения Сибири. Левосоциалистические национальные организации, в том числе и польские, напротив, приветствовали роспуск Думы. Так, Польский социалистический комитет в Томске, в котором к этому времени отчетливо определилось большевистски настроенное ядро, приветствовал разгон Думы и заявил о поддержке власти Советов². Комитет ППС в Иркутске заявил о бойкоте Думы, хотя к этому времени она уже была разогнана, и аннулировал выданные им мандаты³.

Официальное открытие Думы состоялось 28 января в 9 часов вечера в присутствии более 40 ее членов. После выступления заместителя председателя Сибоблсовета П.Я. Дербера и выборов президиума Думы, в состав которого от фракции национальностей вошел С.С. Романовский⁴ как один из товарищей (заместителей) председателя, с декларативными заявлениями выступили представители фракций эсеров, народных социалистов и национальной. Эти три заявления были объединены и обнародованы как декларация Думы⁵. В этом документе «ближайшими шагами по устроению многоплеменной и многонациональной Сибири» объявлялось: «а) проведение социальных мероприятий по защите и сохранению туземных племен, б) предоставление экстерриториальным народностям в пределах общегосударственных законодательных норм права объединения в автономные общины на правах юридического лица и полной национально-персональной автономии во всех областях национальной жизни»⁶.

Затем состоялись выборы Временного правительства автономной Сибири (ВПАС). В состав правительства было избрано 20 человек. В их числе были представители национальных орга-

¹ Якушев И.А. Очерки областного... С. 24.

² Знамя революции. Томск. 1918. 31 янв.

³ Власть труда. 1918. 6 апр. (не удалось установить, была ли это группа ППС-«фракции» или ППС-левицы).

⁴ ГАРФ. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

⁵ См.: Якушев И.А. Очерки областного... С. 25.

⁶ Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. № 3. 11 июля. С. 3.

низаций, избранные по настоянию национальной фракции: алтаец В.Т. Тибер-Петров, делегированный Алтайской горной думой – министр туземных дел; Д.Г. Сулим, представлявший Алтайскую губернскую украинскую раду, – министр экстерриториальных народностей¹; Ринчино, представитель Бурятского национального комитета, – министр народного просвещения и татарин Ш.Г. Неометулов – министр без портфеля. Таким образом, национальная фракция сумела не только провести своих кандидатов в состав правительства, но и добилась утверждения 1-й сессией Думы законопроектов об учреждении министерств туземных дел и экстерриториальных народностей.

Сразу после ночного заседания члены ВПАС во главе с П.Я. Дербером выехали на восток, оставив в Западной Сибири особый комиссариат, действовавший именем Сибирского правительства². В составе президиума Думы вместе с правительством отправился на восток и С.С. Романовский, поскольку Дума постановила, чтобы «президиум Думы все время находился в месте пребывания правительства в целях, во-первых, точного осведомления о мероприятиях правительства, а во-вторых, возможного выражения протеста, если бы действия Правительства приняли направление, неприемлемое для отдельных национальностей Сибири»³. Члены Сибирской областной думы, разъехавшиеся по всей Сибири, являлись, по свидетельству ее председателя И.А. Якушева, «наиболее надежными представителями возглавившей противобольшевистское движение Думы и ее правительства»⁴.

Деятельность Сибоблдумы возобновляется лишь после свержения выступления чехословаков, в течение лета 1918 г. свергнувшего советскую власть на всем пространстве Сибири и Дальнего Востока. 5 июня 1918 г. в Томске возобновили свою работу частные совещания Думы, в составе которой вновь формируются 4 фракции: эсеров, социал-демократов, областников и беспартийных и национальная. На заседании 13 июня были сформированы думские комиссии, в том числе комиссия по национальным делам. По наме-

¹ По свидетельству И.А. Якушева, Д.Г. Сулим впоследствии был исключен из состава СОД, так как перешел на сторону большевиков (ГАРФ. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 21. Л. 26).

² См.: Якушев И.А. Очерки областного... Сб. 3. С. 27.

³ ГАРФ. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

⁴ Якушев И.А. Очерки областного... Сб. 4. С. 101.

ченному ею плану работ первоочередным являлся законопроект о национально-персональной автономии национальных меньшинств Сибири. Вопрос о территориальной автономии откладывался до прибытия делегатов от территориальных народов Сибири¹. Председатель Сибоблдумы И.А. Якушев на основе рекомендаций частного совещания и с согласия членов Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК) 30 июня 1918 г. передал власть в Сибири пятерке министров из кабинета Дербера – П.В. Вологодскому, В.М. Крутовскому, И.А. Михайлову, Г.Б. Патушинскому, М.Б. Шатилову, образовавшим Временное Сибирское правительство с местопребыванием в Омске.

Омское правительство заняло в национальном вопросе, как и в вопросе о власти, позицию, отличную от эсеровской Думы, более консервативную и более жесткую. 5(18) июля 1918 г. был обнаружен проект Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири². Давая понять, что все попытки самоопределения на основе национально-территориальной автономии до Учредительного собрания будут пресекаться, Омское правительство вместе с тем заявляло о предоставлении «отдельным национальностям Сибири, составляющим не менее 10 % местного населения» национально-культурной автономии. Делая уступку национальным притязаниям в форме культурной автономии, оно ограничивало ее функции сферой школы, языка и судопроизводства. Не было в этом документе и указания на такие классические признаки национально-культурной автономии, как экстерриториальность и добровольность вступления в автономное национальное сообщество. Правительство оставляло за собой право назначать правительственных комиссаров в местности, население которых притязает на культурную автономию, отказывая тем самым в признании органов национального самоуправления субъектами права.

Этот документ отразил существовавшие в рядах областников разногласия между правым крылом и их левой частью, к которой примыкали сторонники автономии Сибири из числа социалистов, и прежде всего эсеров. Омское правительство тяготело к первым, большинство Сибоблдумы – ко вторым. Правительственный проект об НКА имел мало общего с прежними законодательными ини-

¹ См.: Сибирская жизнь. 1918. 22 июня; ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 15. Л. 11, Д. 16. Л. 13.

² Омский вестник. 1918. 5(18) июля.

циативами и декларациями областников, в основе которых лежала эсеровская национальная программа, и не выходил за рамки кадетской формулы «культурного самоопределения». Кроме того, культурная автономия предоставлялась не пришлым меньшинствам и «нациям без территории», а лишь коренному, автохтонному населению. На то, что объектом внимания в национальной политике Сибирского правительства являлось «туземное» население, указывает и факт образования Министерства туземных дел во главе с эсером М.Б. Шатиловым, хотя ранее утверждались законопроекты о создании министерств и туземных и экстерриториальных дел.

На протяжении июня – июля 1918 г. члены думской национальной фракции принимали деятельное участие в работе частных совещаний Думы. Постепенно прибывали все новые и новые представители национальных организаций, полномочия которых рассматривались частными совещаниями. 15 августа состоялось открытие второй сессии Сибирской областной думы, но уже 20 августа Дума под давлением Омского правительства вынуждена была прервать свою работу до 10 сентября¹, успев принять лишь один закон о пополнении ее состава цензовыми элементами. 28 ее членов имели мандаты национальных организаций Сибири, но представителей польских организаций в их числе не было. Вероятно, сказались острая политическая ситуация и немалые сибирские расстояния.

Кроме того, поляки в это время были заняты решением своих внутренних проблем. В конце июня 1918 г. в Омске образовался Временный объединенный совет польских организаций, призванный выполнять «обязанности представительства и ведения польских дел» до тех пор, пока не будет создан польский совет на постоянной основе, избранный путем всеобщего, тайного, равного и прямого голосования². 26 июля Польский временный совет в Омске обратился к ВСП со специальной декларацией, выражая ему «полное доверие» в расчете на то, что оно оставит «незыблемым» акт от 17 марта 1917 г. и признает Временный польский совет объединенных организаций «единственным полномочным органом по польским делам»³. В это же время в Омске организуется Польский временный военный комитет, а в Самаре – Польский революционный

¹ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 98 об.

² Омский вестник. 1918. 30 (17) июня.

³ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1730. Л. 5.

союз борьбы за свободу и объединение Польши. Обе организации ставили своей задачей работу как «среди поляков, оседлых в России, так и среди беженцев и военнопленных» и одновременно – организацию польских войск, базирующихся при чехословацком корпусе¹. Во второй половине июля на съезде в Челябинске обе эти организации учредили Польский военный комитет (ПВК, Полкомвой) в России («Polski komitet wojenny w Rosyi») ². 27 июня в Томске был создан Польский национальный комитет во главе с Я. Пятровским³. В это же время в Иркутске образовалась Польская военная лига, которая также ставила своей целью организацию польских легионов и вела для этого запись добровольцев, желающих вступить в ряды польских отрядов. По настоянию чехов Иркутская лига вошла в подчинение ПВК⁴. ПВК немедленно приступил к «формированию польских военных сил для борьбы с немцами и их союзниками, за независимость и объединение Польши». Территория, на которой действовал ПВК, была разделена на округа, во главе которых назначались уполномоченные делегаты. Параллельно был создан Польский национальный комитет (ПНК, Полнацком), подчинявшийся Польскому национальному комитету в Париже. ПНК взял на себя задачу опекать гражданское население. Эта организация, в отличие от ПВК, создавалась людьми, которые давно жили в Сибири и на Дальнем Востоке и были связаны с этим регионом экономическими интересами. Если ПВК высказывался за сохранение нейтралитета по отношению к внутрироссийским событиям и вывод польских формирований из Сибири, то руководство ПНК придерживалось мнения о необходимости участия поляков в борьбе с большевиками.

Польский совет в Омске, призывая Сибирское правительство «выполнить все обязательства России и союзников к Польше, как дружественной державе», просил «предписать всем подведомственным правительственным учреждениям: ликвидировать институт военнопленных и военнообязанных поляков и впредь считать всех поляков без различия их бывшего подданства – гражданами Дружественной Державы – Польши»; признать за организациями, аналогичными Омскому польскому совету, права учреждения Всеси-

¹ ГАРФ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

² Воля Сибири. 1918. 24 авг.

³ ГАТО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 63. Л. 90.

⁴ См.: Жизнь Алтая. 1918. 14 авг.; Сибирь. 1918. 26 (13) сент.

бирского польского совета или до прибытия польского посланника «право на выдачу видов на жительство всем гражданам польского происхождения и право принимать все меры, необходимые для проведения в жизнь основных положений польской государственности»¹.

Реакцию чиновников МИДа на стремление польских советов представлять интересы Польши и польских граждан, выполняя консульские функции, иллюстрирует представленная в Совет министров докладная записка за подписью замминистра Голованова. В ней была подвергнута сомнению правомочность Временного польского совета, который квалифицировался как «случайная организация» и поэтому не мог «выступать от имени государства, которому еще предстоит быть созданным». Соответственно, как «совершенно необоснованные» квалифицировались высказанные в ультимативном тоне пожелания считать всех поляков, независимо от их бывшего подданства, гражданами «дружественной державы» — Польши. Единственная функция, которую могли, по мнению МИДа, осуществлять польские советы, — это помощь беженцам-полякам².

Вынужденное признать особый статус Польши, ВСП не могло не считаться с фактом формирования в это время в Сибири польских воинских частей. В принятом ЗСК 18 июня постановлении «О национальностях, на которые распространяется призыв в ряды Сибирской армии» разъяснялось, что офицеры-поляки, «состоящие на службе в польских легионах», от призыва в ряды Сибирской армии освобождались³. Этот вопрос специально рассматривался совещанием представителей военного ведомства и Министерства иностранных дел ВСП 13 июля 1918 г.

Совещание пришло к выводу о необходимости разделить военнослужащих поляков на две группы: российских граждан и «свободных от таковых обязательств» военнопленных. За последними признавалось право поступать на добровольном основании «в любую из народных армий, не являющуюся его [ВСП. — И. Н.] врагами... в частности... в ряды чехословацких войск... без посредства Временного Сибирского правительства». Поляки, граждане России,

¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1730. Л. 3.

² Там же. Л. 9–9 об.

³ ГАРФ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 26. Л. 26.; Д. 28. Л. 5; *Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 года)*. Томск, 1998. Вып. 1. С. 22–23.

также имели возможность создания войсковых частей, сформированных по национальному признаку, но с оговоркой, что любые национальные воинские части должны входить в состав Сибирской армии как ее равноправные единицы, не обладая никакими преимуществами. При назначении на командные должности выборное начало не допускалось, не принимались в расчет «ни чины, ни возраст, ни национальность, а лишь способности и опыт». Не допускалось существование каких-либо комитетов или советов и подчеркивалось, что основой армии является строгая дисциплина. Финансирование и снабжение всеми видами довольствия национальных войсковых частей производилось на общих основаниях. Уступка делалась лишь в вопросе о форме одежды и внешних отличий, определять которые предоставлялось национальным советам, в том числе и ПВК¹.

В конце июля Омское правительство приступило к формированию регулярной армии. 31 июля был подписан указ о призыве в армию лиц, родившихся в 1898–1899 гг. Этим указом добровольный принцип комплектования Сибирской армии заменялся принудительным. Призыву подлежали все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1 января 1915 г. Поляки², украинцы и другие национальности призывались в части, организуемые по национальному признаку. Вместе с тем они должны были входить «в состав русских высших войсковых соединений» и «сноситься при официальной переписке на русском языке»³.

Это положение вызвало протесты со стороны польских организаций. ПНК в Томске, ссылаясь на экстерриториальность, которую поляки получили в марте 1917 г. от Временного правительства, потребовал отправки всех призванных в армию поляков в Омск в распоряжение ПВК⁴. Протест был рассмотрен в МИДе, который признал притязания не соответствующими нормам международного

¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1730. Л. 6–6 об.

² С августа 1918 г. польские воинские подразделения на востоке страны перешли под командование майора В. Чумы. Им было создано командование Войска польского в Восточной России и Сибири. Оно дислоцировалось сначала в Уфе, затем в Бугуруслане, а осенью 1918 г. переместилось в Новониколаевск, где и сосредоточилась вся жизнь польских воинских подразделений вплоть до осени 1919 г.

³ *Законодательная деятельность белых правительств...* С. 118.

⁴ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 258. Л. 56 и об.

права. По мнению МИДа, интересы граждан польской национальности вполне удовлетворялись «признанием за ними права организовывать национальные войсковые части под знаменем сибирских войск, а за поляками, не связанными отношениями российской гражданственности, вступать в войсковые части под чешским командованием»¹. Конфликт разрешился при посредничестве представителя Чехословацкого национального совета д-ра Глосса, которому удалось добиться согласия ВСП на то, чтобы все поляки, подлежавшие мобилизации, направлялись в ряды польской армии. И только в случае несогласия на это со стороны мобилизованных они включались в состав русской армии, лишаясь при этом права на ношение знаков отличия польских национальных частей².

В то же время от участия в общественно-политической жизни Сибири поляки не отказались, особенно те, кто жил здесь давно, связывал с ней свою дальнейшую судьбу и был заинтересован в установлении здесь демократического режима. Поэтому представители польских организаций С.С. Романовский и Я.С. Залэнский приняли участие в работе второй сессии Сибирской областной думы, которая 10 сентября возобновила свою работу. Вновь заявили о своем желании иметь своих представителей в Думе поляки Иркутска. 7 сентября 1918 г. была получена телеграмма за подписью: «депутат Мусницкий». Сообщая о том, что он избран в Думу общим собранием местной польской колонии, Мусницкий спрашивал, достаточен ли мандат, подписанный президиумом общего собрания, и не могут ли от иркутской колонии приехать еще депутаты, избранные на этом собрании, для пополнения всех пяти мест, если не все заняты. На тексте телеграммы имеется приписка, датированная 17 сентября, о том, что заняты только два места (Залэнский и Романовский), а мандат должен быть подписан президиумом организации или съезда³. Но Мусницкий так и не приехал в Томск, возможно, из-за кратковременности работы Думы, которая в условиях противостояния с Омским правительством так и не успела развернуть конструктивную работу. Не утвердила Дума и мандаты Юзефа Бургардта и Карла Фроста на том основании, что делегировавшая их организация – Иркутская окружная секция Польской социали-

¹ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 258. Л. 55 и об.

² Голос народа 1918. 3 окт.; Народная газета 1918. 4 окт. (21 сент.); Народная Сибирь. 1918. 18 окт.

³ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 23. Л. 188–189.

стической партии (ППС) – является политической партией, представительство которых не предусмотрено Положением о временных органах управления Сибири. При этом часть членов комиссии по проверке полномочий полагала, что их полномочия следует утвердить, поскольку во вторую сессию поляки оказались не представленными в Думе, но это мнение не было поддержано¹.

Я. Залэнский, делегированный Союзом объединенных польских организаций г. Гродекова и окрестностей, прибыл в Томск накануне возобновления работы Думы. Его мандат был утвержден Думой 17 сентября. В этот же день он был введен в комиссию по национальным делам². Вероятно, именно в этот период деятельности Я.С. Залэнский вместе с представителями украинцев (В.А. Яновицкий) и евреев (А.М. Евзеров) разработали уникальный документ: «Законопредложение по национальному вопросу экстерриториальных народностей»³, который основывался на праве национальных меньшинств на национально-персональную автономию.

В основе предлагаемого авторами проекта модели лежали принципы экстерриториальности, персонализма и признания национально-персональных союзов юридическими лицами, субъектами права, т.е. классические принципы, что отличало ее от национально-территориальной. Предлагалась следующая структура ее органов. Национальные меньшинства объединяются в национальные союзы на основе именных списков. Высшим представительным органом национального союза предполагался Национальный совет, избираемый сибирским конгрессом, думой или сеймом, низшими автономными единицами — сельские, волостные, городские советы, общины, рады, гмины и т.п. К автономным функциям были отнесены культурно-просветительная деятельность, религия, экономика, т.е. компетенция органов национально-персональной автономии предполагалась достаточно широкой. В пределах этой компетенции Национальный совет пользовался правом законодательства и управления. Финансовое содержание национальных союзов возлагалось на общегосударственные, городские, волостные, зем-

¹ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 4. Л. 80, 80 об.; Д. 48. Л. 132, 132 об., 137, Л. 155–156; Д. 78. Л. 2–9, 12.

² Там же. Д. 48. Л. 182, 182 об. –183, 188.

³ Документ опубликован автором: *Национально-культурные автономии и объединения: Историография. Политика. Практика: В 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 138–140.*

ские органы. Кроме того, национальным союзам предоставлялось право налогового обложения своих членов, заключения займов и иных финансовых мер. Эти положения соответствовали положениям Закона Украинской Народной Республики о национально-персональной автономии, который был принят 9 января 1918 г. и, видимо, взят за основу при подготовке документа¹.

Но были и некоторые отличия, связанные со спецификой общественно-политической ситуации в Сибири и с теми решениями, которые к этому времени были приняты Думой и ВСП. Для управления делами — до окончательного разрешения этого вопроса Сибирским Учредительным собранием — предусматривалось учреждение Министерства экстерриториальных национальностей и при нем Совета из представителей этих национальностей. Учитывая, что при формировании Сибирской армии предусматривалась возможность формирования национальных воинских частей в ее составе, «законопредложение» предлагало закрепить этот принцип. Исключение делалось для тех национальностей Сибири, которые «находятся в переходном состоянии к подданству своих национальных государств, как поляки и украинцы, воинские части которых конструируются по национальным признакам и под своим национальным руководством»².

Этот законопроект не был рассмотрен в Думе. Помешал развернувшийся с новой силой конфликт между ВСП и СОД, который в сентябре — октябре 1918 г. вступил в завершающую стадию. 21 сентября административный совет ВСП постановил прервать занятия Думы. На экстренном заседании 22 сентября Дума постановила считать его «незаконно созданным и подлежащим немедленному роспуску», а подписавших это распоряжение министра финансов И.А. Михайлова и товарища министра внутренних дел А.А. Грацианова «уволненными» и «подлежащими суду по обвинению в попытке государственного переворота». По предложению выступавшего от имени национальной фракции А.М. Евзерова Дума предоставила все права и полномочия «Комитету Областной думы», состоявшему из президиума и представителей фракций. Я. Залэнский вошел в состав Комитета Думы от национальной фракции³.

¹ См.: *Национально-культурные автономии...* Т. 2. С. 125–128.

² Там же. С. 128.

³ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 9. Л. 32–35; ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 232–233.

На 23 сентября было назначено первое заседание Комитета Думы, но оно было сорвано, так как, по распоряжению Томского губернского комиссара часть его членов была арестована. Комитет смог начать работу 24 сентября. Эти события совпали с моментом, когда образовавшееся на Уфимском совещании Всероссийское Временное правительство (Директория) вмешалось в конфликт между ВСП и СОД. Специальным постановлением занятия СОД были на неопределенное время приостановлены. После этого проведение в жизнь решений Комитета Думы оказалось невозможным. Во имя централизации власти Директория устранила все областные правительства, в том числе Комуч и Омское правительство. Указом от 6 ноября Директория заявила о роспуске Сибоблдумы¹.

10 ноября 1918 г. состоялось последнее заседание Думы. Оно началось с утверждения полномочий депутатов. В числе других были утверждены полномочия С.С. Романовского. На заседании присутствовал председатель Директории Н.Д. Авксентьев, который добился решения о самороспуске Думы взамен на обещание созвать в ближайшем времени Сибирское Учредительное собрание. Фракция национальностей также голосовала за самороспуск Думы². Представитель секции экстерриториальных народов А. Евзеров выразил надежду, что Директория выполнит свои обещания по охране интересов национальностей, а Всероссийское Учредительное собрание утвердит национально-персональную автономию «во всем объеме в общегосударственном масштабе»³.

Итак, падение самодержавия в России, провозглашение основ демократической государственности, декларирование Временным правительством и Петроградским Советом независимости Польши возродили вековую мечту поляков о восстановлении национальной независимости и были восприняты польским населением с большой радостью и воодушевлением. Мощный всплеск национальных чувств и ожиданий сопровождался созданием органов национального самоуправления.

После захвата власти большевиками в Петрограде в октябре 1917 г. польские организации, за исключением групп СДКПиЛ и ППС-левицы, заняли позицию «нейтралитета» и невмешательства в происходящие события. Создаются организации, претендующие на

¹ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 250.

² Там же. Д. 90. Л. 7.

³ Там же. Д. 91. Л. 24–26.

представительство интересов поляков, в том числе и в сибирском парламенте – Сибирской областной думе. Привлекали поляков в сибирском областничестве программные установки в национальном вопросе, предусматривавшие предоставление национально-персональной (культурной) автономии проживающим в Сибири «экстерриториальным национальностям» – национальным меньшинствам.

В.М. Кулемзин
ОТ РЫБОЛОВНОГО ЗАПОРА ДО СУПЕРМАРКЕТА:
ОХОТНИЧЬЕ-РЫБОЛОВНАЯ КУЛЬТУРА
НА ПЕРЕКРЕСТЬЕ ТРАДИЦИЙ И СОВРЕМЕННОСТИ*

Когда я учился в школе, это был четвертый или пятый класс, то часто рассматривал картинку в учебнике по истории. Там были изображены каменные орудия труда и обросший мужчина, держащий в руках так называемую намётку. Это закрепленная на длинном шесте с перекладиной сплетенная из ниток сетка в виде мешка. Такую снасть я видел нередко, когда по весенней мутной воде её опускали в омут на реке Искитимке и тянули к берегу, перебирая руками шест. На берегу вытряхивали ельца или пескаря и снова снасть накидывали на воду, она опускалась на дно и вытягивалась на берег. Я ещё тогда сильно усомнился в том, что именно таким образом ловили рыбу в древности.

Надо сказать, что любая рыболовная снасть возбуждала во мне неопишное чувство, как и рыба, пойманная или сверкающая в воде. Иногда к голове приступал жар, иногда щемило где-то внутри, как будто в позвоночнике. Я много читал про древнюю жизнь, слушал стариков, потом сам стал ловить рыбу, ездить в экспедиции, наблюдать добычу зверя и рыбы в самых разных охотничье-рыболовных культурах, сопоставлять добытые знания с археологическими сведениями, да и сам принимал участие в археологических раскопках. Теперь я имею довольно богатые знания в этой области и могу их изложить на бумаге. Я пришёл к выводу, что древние и современные охотничьи культуры представляют собой определенные замкнутые жизнеобеспечивающие системы, но их замкнутость –

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01398а.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА

Выпуск 3

Социокультурные аспекты
освоения Сибири

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2008